

Елена Дьяконова. ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ЁСАНО АКИКО

В ПЕРЕВОДАХ ЕЛЕНА ДЬЯКОНОВОЙ

«Белеют плечи мои...»	.24
«В единый день...»	.26
«Ветку для тебя отломил...».	.28
«Как узнаю — души ли робость...»	.30
«О, богиня Медуза, молю...»	.32
«Влюбленное сердце...»	.34
«Цитры напев...»	.36
«Всего-то половинка любви...».	.38
«Розовеет солнце...»	.40
«Мнилось: сияюще-алая...»	.42
«Всего-то: гость...»	.44
«Ветви в цвету...»	.46
«Предвечен ход небесных светил...».	.48
«Вот бы сразу...»	.50
«Вот так, склонившись...».	.52
«Вечные чайки над гладью реки Синано...»	.54

«Мерцают приветно...»	.56
«Небо с землею...»	.58
«Ты — сияние звезд...»	.60
«Как неотвратимо...»	.62
«Неотвязная мысль...»	.64
«Дождь за окном...»	.66
«В сумерках храмовый колокол...»	.68
«Ночью умаялась...»	.70
«Замерла танцовщица на мосту Синдзёбаси...»	.72
«По утру моросит...»	.74
«Разгорается, лиловея...»	.76
«Касанье шелковистой кожи...»	.78
«Распущенные длинные длинные пряди...»	.80
«И камелия, и сливы цвет...»	.82
«Краску румян...»	.84
«Как прекрасны люди...»	.86
«С жизнью этой сжилась...»	.88
«Горьки на вкус...»	.90
«Все в горнице полонили...»	.92
«Малым зонтом укрывшись...»	.94
«Облака лиловые...»	.96
«Совсем ничего...»	.98
«Разве попробовать...»	100
«Весенний ветер...»	102
«Лодочник юный...»	104
«Три месяца вешних...»	106
«Легчайшую прядь волос...»	108
«Словно летний цветок...»	110
«Что пастух, бредешь и бредешь за стадом...»	112

«Его не вернет мне...»	114
«Вдаль, на юг...».	116
«Вымокнув под дождем...»	118
«Весна. Плети старой глицинии...»	120
«Вглядываюсь в бронзовый лик...»	122
«Не укоряй меня...»	124
«Вечером дождь весенний...»	126
«В горячей воде...»	128
«Иду по лугам...»	130
«В груди желание...»	132
«Как недолго...»	134
«Как будто рвется-тает...»	136
«С усилием, плавно...»	138
«О вы, лиловые рукава...»	140
«У человека из родных мест...».	142
«Опершись о перила...»	144
«После горячей воды...»	146
«Словно бы расточается-тает лиловое облако...»	148
«Выскользнув из рукава тончайшего шелка...»	150
«Не помня себя...»	152
«Весну напролет...»	154
«Узнаешь ли, кто рукав закусил...»	156
«Неподъемно тяжел...».	158
«Если спросят...»	160
«Укладываю в коробку...»	162
«Взгляд мимолетный...»	164
«Лодки спуют. Только вчера при луне...» . . .	166
«Черную бабочку невзначай умертвила...» . . .	168

«О, бледнолобый монах...»	170
«Голос флейты...»	172
«В пятой луне дожди...»	174
«Неужели посмеют наречь меня грешницей...»	176
«Весна. Встреча любовной четы...»	178
«Его рука у меня на затылке...»	180
«Пятый месяц. Дожди...»	182
«Мои утренние...».	184
«Что за слабость...»	186
«Смерзлась щетинка...»	188
«Весенний сумрак...»	190
«Кто рыдает, прощаясь навеки...»	192
«За ворота скользнула...»	194
«Оглянулась, и снова горечь пронзила...» . . .	196
«Не многословны ли...»	198
«На осень, верно, жизнь повернула...»	200
Осень («Спохватилась — как же, верно, давно...»)	202
«Глициния затеняет...»	204
«Вы тех спросите...»	206
«Кто смеет советовать...»	208
«Чудится: Павлова плавно...».	210
«В весенний ручей...»	212
«Чувствую, исподтишка дождик крадется...» .	214
«Об осенних жухнувших травах думаю...». . . .	216
«Прощальный подарок...»	218
«Ты нежно коснулся...»	220
«На лугу среди цветущего разнотравья...» . . .	222
«Лебеди тысячекрылою стаей...»	224

«Дрогнуло сердце...»	226
«Как в былые дни...»	228
«Шевелит плавниками...»	230
«Жалкая, словно снулая рыба...».	232
«Заискрились каплями...»	234
«К ночи задувает осенний ветер...»	236
«Девой-кентавром порой ощущаю себя...». . .	238
«Два-три лепестка...»	240
«На вершине холма...»	242
«Тайна таится в белоснежном цветке камелии...»	244

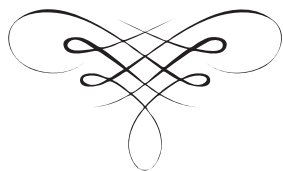
ЁСАНО АКИКО

В ПЕРЕВОДАХ ВЕРЫ МАРКОВОЙ

Тайфун	249
Не отдавай, любимый, жизнь свою!	251
Чудесный город	253
«В грязном пригороде дождь и мрак...»	254
Трусость	255
Свой собственный путь	256
Как создается песня	257
Узы	259
«Как много переплелось...»	260
«Нет, не дано тебе судьбой...»	261
«Богов не знаешь ты...»	262
«Когда б моя любовь...»	263
«Хорошо это или грех...»	264
«Вдвоем или своим путем...»	265
«Горстями алые плоды...»	266
«Когда мне случится увидеть...»	267

«На диком пустом берегу...»	268
«Где ты, о сердце мое...»	269
«Мне беспричинно вдруг...»	270
«Еще, о сердце...».	271
«Мне почудилось, что у меня...».	272
«Из глуби черного льда...»	273
«Брошена на пляже, много дней...».	274
«Бесчисленны ступени той дороги...».	275
«Быстрее, чем град на ветру...».	276
«Как будто я вдыхаю запах...»	277
Людам	278

ПРЕДИСЛОВИЕ

Японская поэтесса Ёсано Акико (1878–1942, настоящее имя Хо Сёко) в юности получила отменное образование в японском духе, увлекалась классической литературой, поэтому выбор ею канонической формы пятистиший *танка*, зафиксированной японской традицией еще в VIII в. в первой антологии поэзии «Собрание мириад листьев» (*Манъёсю*), не случаен. К тому времени, когда в 1900 г. провинциальная двадцатидвухлетняя девушка из купеческой семьи* богатого торгового города Сакаи, что в окрестностях Осаки, послала свои первые стихотворения в прославленный столичный журнал «Утренняя звезда» (*Мёдзё*), традиция пятистиший *танка* насчитывала уже двенадцать столетий.

Просодической единицей *танка* является строфа, состоящая из группы в 5 и 7 слогов, а само

---

* Отец Ёсано Акико — Хо Сёсити, владелец известнейшей кондитерской, поставщик императорского двора. Фамилия Хо («Феникс») китайского происхождения, есть предположение, что он был потомком китайского ремесленника, обосновавшегося в Японии. Хо больше интересовался искусством, чем делами своего предприятия. — *Здесь и далее прим. автора.*

стихотворение представляет собой пять силлабических групп в 5–7–5–7–7 слогов. Темы классических *танка* строго регламентированы: это песни любви, разлуки, песни, написанные в пути, «на случай» и т.д. Человеческие переживания вписаны в смену времен года и происходят непременно на фоне природы, либо каким-то образом с природой связаны.

Канонизированы и основные приемы *танка*, чрезвычайно подробно разработанные традицией. Ключевые слова *танка* обычно вызывают у искусленного читателя ряды ассоциаций, не входящих в текст и внятных японцу, но обычно скрытых от иноземных читателей, поскольку не поддаются переводу. Тесное пространство пятистиший — всего 31 слог — не позволяет развернуть эти ассоциации при переводе. Когда-то академик Н. И. Конрад переводил одно стихотворение *танка* два раза, чтобы во всей полноте представить перекрещивающиеся смыслы.

Вслед за первой антологией «Собрание мириад листьев» (*Манъёсю*, составленной в 759 г., где большая часть — из четырех тысяч пятьсот стихотворений были *танка*), в 905 г. увидела свет первая императорская, т.е. собранная по указу императора Дайго антология «Собрание старых и новых песен Японии» (*Кокинвакасю*), в которой из тысячи стихотворений не-*танка* было только девять. Всего опубликована двадцать одна императорская антология *танка*, последняя из которых была составлена по указу императора Го-Ханадзоно в 1439 г. Таким образом, этот жанр развивался под

высочайшим патронажем поколениями придворных поэтов.

Изошренность этой поэтической формы, испытывавшей на протяжении более чем тысячи лет взлеты и падения, то почти угасавшей, а то вспыхивавшей, словно угли на ветру, — обернулась к концу XIX в. довольно монотонными повторениями одного и того же, вызывая у ревнителей традиции горечь, а у модернистов, находившихся под европейским влиянием, — негодование и желание отречься.

Рубеж веков — эпоха примечательная в японской культуре: так называемая реставрация Мэйдзи в 1867—1868 гг. открыла страну после трехсотлетней изоляции, когда торговые европейские корабли могли заходить только в два порта на юге и японцам, покинувшим страну, грозила смертная казнь. В конце XIX в. западные влияния буквально хлынули в Японию. На волне этих влияний, в осознании необходимости реформировать традицию, и не только поэтическую, возникли разнообразные литературные движения, объединения, поэтические общества и журналы. «Золотые молнии романтизма» (слова Н. Гумилёва) поразили многих японских литераторов — среди них Такамура Котаро, Исикава Такубоку, Китахара Хакусю, которые объединились в романтическую «Школу Утренней звезды»; душой этой школы стала Ёсано Акико, которую в ту пору называли еще ее девичьим именем. Другое название школы было «Общество новой поэзии». Основано оно было влиятельным поэтом и мэтром поэзии Ёсано Тэкканом (настоя-

шее имя Ёсано Хироси, 1873–1935) в ноябре 1899 г., и сразу же стал издаваться журнал «Утренняя звезда» (*Мёдзё*), название которого означало Венеру. Сам поэт говорил, что на темном литературном небосклоне должна засиять ясная чистая звезда, которая осветит и преобразит весь старый мир японской традиционной поэзии. В это время под эгидой Министерства императорского двора еще существовала косная и застывшая в своих требованиях, так называемая Палата поэзии (*О-ута-докоро*), созданная по указу императора в 1869 г.; против ее устаревших рецептов и восставали поэты «Утренней звезды».

Первые романтические *танка* Ёсано Акико печатались на страницах журнала, главным редактором которого был Ёсано Тэкан. Он и стал героем ее лирики; отношениям поэтов-любовников посвящена первая книга Ёсано Акико «Спутанные волосы» (*Мидарэгами*). Вот ее *танка* на эту тему, сделавшаяся знаменитой:

Как много переплелось
Спутанных черных волос,
Бессчетные буйные пряди...

Так смешались думы мои,
Так думы мои в разладе.
(Перевод В. Марковой)

«Спутанные волосы на ложе любви» в ее поэтике — образ, унаследованный от одной из самых знаменитых и экстравагантных поэтесс Средневековья Идзуми-сикибу (961?—1030?) времени антолог-